

дмитрий липскеров

дмитрий липскеров

О НЕМ
и о бабочках
роман

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА
ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л61

Художник *Игорь Северцев*
Фото автора на переплете — *Игорь Ганжа*

Липскеров, Дмитрий Михайлович.
Л61 О нем и о бабочках / Дмитрий Липскеров. —
Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. — 416 с. — (Проза Дмитрия Липскерова).

ISBN 978-5-699-098268-4

Дмитрий Липскеров — писатель, обладающий безудержным воображением и безупречным чувством стиля. Автор более 25 прозаических произведений, среди которых романы «Сорок лет Чанчжоэ» (шорт-лист «Русского Букера», премия «Литературное наследие»), «Леонид обязательно умрет», «Теория описавшегося мальчика», сборник рассказов «Мясо снегиря». Основатель литературных премий «Дебют» и «Неформат», он и сам «неформат» в своей прозе.

Герой нового романа «О нем и о бабочках» волею богатой авторской фантазии попадает в очень деликатную и абсолютно гоголевскую ситуацию. Именно с нее начинаются события, переворачивающие весь мир, в котором плутоватые и мудрые персонажи, ангелы и обыкновенные люди, плетут судьбу мироздания.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098268-4

© Липскеров Д.М.
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Аркадию Новикову,
другу и первому читателю
моих рукописей...

Арсений Андреевич Иратов спал. Он всегда хорошо засыпал ночью. Не оттого, что в его пятьдесят с лишком нервная система сохранилась нетронутой, а вследствие когда-то правильно подобранной терапии. Уже двадцать пять лет он за три минуты до сна проглатывал две таблеточки чего-то и тотчас засыпал, выбрав позу на боку, с поджатыми к животу ногами.

Иногда ему снились хорошие светлые сны, иногда сюжет сна был обыденным, но сопровождался атмосферой тревожности. Впрочем, часто сны не снились вовсе.

Как-то Арсений Андреевич усомнился в правильности такого долгого приема препаратов и отправился к знакомому неврологу, который почти кричал, отчитывая Иратова за то, что тот сложившийся наркоман, почему ранее не информировал товарища о недуге, ему бы квалифицированно помогли, а сейчас... Сами пеняйте на свою тревож-

ность и кошмары! Закончив возмущенно вопить, невролог сообщил, что возможность коррекции существует. Отменив старый рецепт, он выписал модный и дорогой антидепрессант.

Арсений Андреевич послушался и, отвергнув прием почти «наркотических препаратов», принялся пить новые дорогостоящие пилюли.

Через неделю пациент почувствовал себя плохо и сообщил об этом товарищу, выписавшему рецепт.

— У вас самая настоящая ломка! — оповестил невролог. — Терпите!

Иратов терпел ломоту в костях, тотальную бессонницу, необыкновенное желание все время питаться, помногу, трясущимися от нетерпения руками. Под глазами залегли синяки, и выглядел Арсений Андреевич почти стариком, чем тревожил свою Верочку, молодую женщину тридцати лет, с которой он жил неофициально, но очень хорошо — как говорят, душа в душу... Верочка проживала этажом выше, куда ее заселил Арсений Андреевич, объяснив это необходимостью проводить большую часть времени в одиночестве и покое, да и полной невозможностью заснуть с женщиной в одной постели. Красавица Верочка почти не сопротивлялась такой особенности организма своего друга, спокойно жила в выделенной квартире, на хорошей улице, в отличном доме.

Часто пара встречалась в бутиковых рестораниках на обед, вместе они посещали выставки и театры, интимную жизнь вели размеренную, но

страстную, все еще жадно целуясь в губы по прошествии десяти лет с начала отношений.

Верочка любила Иратова сильно и глубоко, как может любить русская женщина, воспитанная правильно, чувствующая тонко и готовая к полной самоотдаче без всяких условий. Арсений Андреевич вторил сильному чувству подруги, вовсе не был эгоистом, наоборот, обладал щедростью души, понимая и преклоняясь перед прекрасным, да и кармана не затворял от любимой женщины. Обе квартиры были записаны на Верочку, а также автомобиль премиум-класса принадлежал ей, ежемесячные немалые средства на личные нужды, внушительный саквояж драгоценностей, но самое главное — она была отмечена в иратовском завещании широко, как река Волга, хоть ему и было между кем делить свое приличное состояние.

Однако ломка от отказа от старых препаратов не заканчивалась, тянулась уже третий месяц, и до этого неизменное давление скакало, как кенгуру по бушу, а стул оставлял желать куда лучшего. Но самыми неприятными оказались приходы состояния дежавю, длящиеся не редкие мгновения, как у обычных людей, доставляя им радостное удивление, а мучительные часы гиперреализма, унося сознание Иратова в прошлое, заставляя переживать ушедшие времена до полной истерзанности, хотя его жизнь было трудно сравнить с жизнью библейских страдальцев: вполне себе человеческая, со взлетами и падениями. Иратов хорошо знал, что

ад — это стыд, а не сковорода с кипящим маслом, стыд, возведенный в абсолюте. Гореть в аду — это гореть от стыда. Пред тобой пройдут сотни, которым ты при жизни причинил нехорошее, может быть даже не сознавая того, но тысячекратно умноженный стыд станет почти вечным. Вот в состоянии дежавю и горел Иратов в стыдном огне. Может, это кому-то было нужно?..

Будучи человеком волевым, Арсений Андреевич через не могу вернулся к ежедневным прогулкам. Гулял он обычно по арбатским переулкам и до прихода болезни неустанно восторгался старой московской архитектурой. Он понимал красоту и откликался на ее приметы благодарным знатоком... Сейчас же он ковылял, опираясь на изящную трость с эбонитовым набалдашником, и не замечал арбатских лепнин, кружевных особняков и классических шедевров девятнадцатого века. Как дикий крестьянин, Иратов стоял посреди шелкового персидского ковра в грязных лаптях, не сознавая собственной дикости, — таково было его состояние.

К нему пришли панические атаки, плетясь, он шарахался от каждого встречного, кажущегося ему каким-то выпуклым из этого мира, чересчур целлюлоидным и красочным, а потому опасным. Мозгом Арсений Андреевич сознавал, что зловещие картинки обычной улицы, с монстрами-автомобилями, пешеходами из фантастических фильмов — всего лишь игра утомленного, давно не спавшего разума... Ему удавалось пройти обычным маршрутом, к кон-

цу которого, несмотря на зиму, он был совершенно взмокшим, почти плавал в поту.

Дома было легче. Он ничего не пугался, даже разговаривал по телефону в своей обычной уверенной манере, но взгляд тяжелобольной собаки мучил его подругу Верочку, которая, конечно, в эти неожиданные времена почти не оставляла Иратова в одиночестве. Она сама готовила, помногу, Арсений Андреевич просил плова с крупными кусками мяса, пасту большими кастрюлями и десерт, который Верочка заказывала в кафе «Пушкин».

Все это кошмарное время мучений человеческих таблеточки, которые Иратов принимал двадцать пять лет, лежали в ящичке его письменного стола не востребуемыми. Подсознание то и дело напоминало, что стоит ему выпить их, как в течение часа состояние нормализуется. Но воля — главная ценность, награда для любого мужчины, — его воля была столь крепка и надежна, что она не пошатнулась и на мгновение. Так должно быть, говорил себе Арсений Андреевич, есть покой, и есть расплата за него, и есть воля принять расплату!

Но она была слишком суровой. Бессонными ночами мозг отыскивал причины для такой лютой мести — и, увы, находил их во множестве.

В какой-то момент Арсений Андреевич понял, что очень скоро может умереть. Эта мысль не напугала его, а лишь расстроила единственным — потерей Верочки, которой он недонасладился, которую недолюбил. Бокал редкого вина лишь на четверть

был выпит, и поглощение его капельками, как редчайший эликсир, для обретения равновесного состояния души и тела окажется невозможным. Иратова не заботило, что он не воспользовался своим материальным состоянием досыта, понимая, что человеческое бытие — лишь короткий переход между одним и другим, а бескорыстная любовь улучшает человека в глазах Бога. Там, где он был обретен, уже построены замки для его бессмертной души, на вечном фундаменте, нерушимые и прекрасные... Или сначала стыд... Но стыд, пусть и через тысячелетия, закончится...

— Я люблю тебя! — Верочка гладила волосы Иратова, черные, словно вороново крыло, с седой прядью, волнистой и похожей на зиму, падающие к плечам. — Люблю тебя!.. — и целовала его красивое, с чертами демона, лицо, не торопясь, касаясь его почти с одинаковыми промежутками времени. Висок, щека, скулы — и к шее опускались ее чувственные губы.

В такие секунды Арсению Андреевичу казалось, что он почти выздоровел, он даже коротко наслаждался — до того момента, пока не понимал, что из глаз текут слезы. Это было фу!!! фу! — недостойное его каменного стержня, гранита, из которого он весь состоял. В камнях нет слез... Он отстранял Верочку и властно велел уходить.

Иратов, пытаясь самостоятельно выяснить, что с ним происходит, часами рыскал в Интернете, отыскивая, благодаря совершенному английскому, ста-

ты на профессиональных медицинских европейских сайтах по его проблематике, изучал белок G, химию расстройства, средства блокировки адреналина, но, углубляясь в медицинскую терминологию, все отчетливее осознавал, что единого лечения от таких состояний просто не существует. Для него стало откровением, что множество великих людей почти не выходили из дому, мучимые паническими атаками десятилетиями, умирая в одиночестве, и, вероятно, ему, придавленному страхами, также суждено скончаться в четырех стенах лишенным полноценной жизни.

Иратов говорил с Верочкой:

— Не хочу, чтобы ты тратила свою жизнь на мое безумие!

— Ты не безумен...

— Все равно, я инвалид.

— Я твоя жена.

— Нет, мы не в браке и клятвами не обременены!

— Иратов, не будьте гадом!

— У тебя еще будет судьба! — Он протягивал свои красивые руки с длинными пальцами к лицу Верочки и гладил ее по щеке. — Все будет, поверь мне!

Она переставала сопротивляться и больше такие диалоги не поддерживала, уходила к себе наверх и, роняя слезы, думала, как помочь любимому человеку. Готовила плов...

Скорее всего, еще недавно сильный, статный красавец, светский лев, Иратов, вполне возможно,

зачах бы гордым цветком, засушив ненароком и Верочку, но в один из печальных дней ему позвонил из Израиля партнер по старому, почти погибшему бизнесу по перепродаже сапфиров.

Выслушав коротко трагическую историю иратовского недуга, партнер ограничился всего несколькими фразами в ответ:

— Вы же знаете, что по образованию я врач?

— Кажется, ревматолог, — вспомнил Арсений Андреевич.

— Специализация здесь не важна. Я вам так скажу, мой дорогой: счастье, если человек нашел свою таблетку, поймите — счастье!!! Большинство не находят своей таблетки, не находят!!! А вам Господь ее открыл! Аллилуйя!

— Но наш невролог сказал...

— На свете много дураков и плохих врачей, гоните от себя шарлатанов и не путайте силу воли с идиотизмом, могущим привести к гибели! Когда придете в себя, поговорим о деле. Есть у меня сапфир...

Иратов перестал слушать израильского партнера, в его мозгу вдруг вспыхнули мощным разрядом молнии, потом пролился дождь и затопил вселенским потоком мозги, очищая правильную мысль от шелухи заблуждений и бесплодных исканий. Арсений Андреевич бросился к письменному столу, подергал за ручку ящика, наконец открыл его, отыскал свои старые таблетки, выдал из упаковки две и закинул в рот...

Первый раз за три месяца он спал глубоко и безмятежно, а наутро проснулся совершенно свежим, с просветленной головой и наполняющимся былой силой телом. И какая-то невероятная радость охватывала все его существо. Так тяжелобольной человек, страдающий страшным недугом, находящийся на пороге смерти, вдруг выздоравливает и вместо обещанных недель получает от жизни десятилетия. Его последующие ощущения сродни детским, на что ни взгляни: будь то листик на дереве, облако, обыкновенный луч солнца, всякая недостойная мелочь — всё это открытия мирового значения, с той лишь разницей, что человек не должен осчастливливать ими человечество: счастье лишь для тебя, оно только твое!

Иратов улыбался небу, шепча слова благодарности, а потом закричал во все горло, как кит затрубил, сообщая миру, что он самый большой на свете, самый сильный и вследствие этого фонтанирующий человеколюбием и щедростью желания поделиться новой, могучей энергией!

— Я буду жить! Жить!!!

А потом он долго брился, ощущая ноздрями запах пены, лосьона после бритья, щиплющего кожу. Вымыл голову и тщательно расчесал волосы, такие черные, как немецкая краска «Хаммерайт», с блестящим отливом. Поглядел на себя в зеркало и слегка расстроился из-за излишней полноты, появившейся за время болезни. Но он знал, что через две недели от избытка плоти он избавится с помощью игры в теннис и плавания.